

Странно.

У всех присутствующих были мурашки по коже, а больше всего были напуганы те, кто был в шоке. Выражение лица старика Сюй стало предательским, а шорох сильного ветра зимой, казалось, звучал как хныканье злого духа.

«Верните мне жизнь...» — прошептал Старый Сюй.

Су Ань проглотил панику в горле: «Старый Сюй?»

Старый Сюй улыбнулся, затем поднес руку ко рту и дважды выдохнул: «Извините, извините, я просто выпалил это».

Су Ань некоторое время молчал, но Чан Ши не мог не спросить: «Господин бухгалтер действительно этого не слышал?»

«Правда нет», — Старый Сюй посмотрел прямо, — «В тот момент я задавался вопросом, не ослышался ли я, поэтому я специально попросил бухгалтера подождать меня. Я извинился, что что-то забыл, и побежал к тому месту, где услышал плач. Но на самом деле это был звук плача! Он был пронзительным и тонким, и его было ужасно слышать!»

Когда Старый Сюй ушел, девушка, которая осталась в стороне и слушала историю, сглотнула, доставляя воду: «Мастер, неужели в особняке президента Цзяна действительно есть привидение?»

Су Ань тихо сказал: «Трудно сказать, ах ».

Наука и демократия, цивилизация и процветание.

Если это был не призрак, значит, кто-то задумал недоброе.

Присутствующие люди вздохнули, и Чан Ши тут же сказал: «Мастер, давайте сегодня попросим талисман и найдем кого-нибудь, кто это сделает?»

Су Ань внезапно пробормотал: «Это неправильно».

Разве замечание старика Сюя не подразумевало просто, что кто-то из особняка Цзян Чжэнжун однажды прыгнул в колодец? Обиженная душа, обиженная душа, мог ли это сказать старик Сюй небрежно? Или действительно в особняке президента Цзяна была «обиженная душа»?

Он некоторое время думал об этом, в то время как Чан Ши несколько раз вздрогнул и призвал:

«Мастер, пойдем и найдем даосского священника».

Су Ань пришел в себя: «Давайте поговорим позже. Становится поздно. Спешите на кухню, не ждите, пока Второй Мастер Хэ придет сюда вечером и ему будет нечего есть».

Кто-то быстро вышел из комплекса: «Мастер, врач Юй Цюна здесь!»

...

"Врач?" Хэ Чанхуай сбрил бороду перед зеркалом, его подбородок острый и угловатый: «Кому нужен врач?»

Мадам Ли толкнула Мастера Ли. Мастер Ли смущенно рассмеялся, и они оба не осмелились сделать ни шагу ближе к ванной: «Чанхуай, разве сейчас за границей нет врача-психиатра, ты знаешь такого человека, а?»

Это был особняк, резиденция Хэ Чанхуая в Цзинчэне. Хотя Мастер Ли приходился ему двоюродным братом, старый дом был слишком старомодным, и Хэ Чанхуай вообще никогда в него не заходил.

Хэ Чанхуай все еще был одет в белый халат, обнажая небольшую половину его энергичной груди. Когда крем для бритья был размазан на половину его лица, его брови-мечи стали острее. Он искоса взглянул на них двоих, почти заставив мадам Ли, которой было уже за тридцать, покраснеть и у нее ослабели ноги.

Мастер Ли не заметил выражения лица своей молодой жены и продолжил: "Чанхуай, после того, как твоя тетя забеременела, она постоянно чувствует себя неуютно и подавлена весь день. Нет, мне нужно обратиться к "психиатру", где я могу найти такого человека? Чанхуай, тебя беспокоит этот двоюродный брат, не мог бы ты помочь своему двоюродному брату с этим?"

Хэ Чанхуай достал полотенце, чтобы вытереть лицо, и легкомысленно сказал: «Кузен действительно обладает энергичной энергией и высоким боевым духом*».

*龙吟虎啸 - /lóngjīnghǔxiào/

Китайская идиома, означающая метафору энергичной энергии и высокого боевого духа. Из «Ветер и дым в долине».

Мадам Ли покраснела от стыда, но Мастер Ли почувствовал гордость. Он несколько раз рассмеялся, а затем услышал, как Хэ Чанхуай сказал: «Хорошо, я помню, вы можете вернуться».

Мастер Ли поспешно кивнул и увел жену. Хэ Чанхуай вздохнул, затем накинул ночную рубашку, и здоровенный и высокий мужчина пошел под душ, чтобы принять ванну.

Время встречи было назначено на 3 часа дня. Хэ Чанхуай принял душ и переоделся в костюм. Затем он провел еще полчаса, завязывая галстук, надевая часы, поправляя прическу и, наконец, распыляя мужские духи, прежде чем выйти из дома, а затем надел пальто и вышел.

В такой деликатной одежде Хэ Чанхуай прибыл во двор Е Суаня еще до трех часов.

Е Суань приготовил застольный пир и сидел за столом, собирая арахисовые бобы. Увидев, что Хэ Чанхуай с улыбкой поднимает занавеску, он встал и вытер руки тряпкой, затем подошел и, естественно, взял пальто и шляпу Хэ Чанхуая: «Второй мастер пришел в нужное время».

Хэ Чанхуай последовал за его движениями и слегка согнул спину, чтобы Е Суань мог снять шарф с его шеи: «Когда я прихожу к боссу Е, мне, естественно, нужно быть более серьезным. Я мог бы прийти раньше, если бы сэкономил время на переодевания».

Его адамово яблоко каталось вверх и вниз, когда он говорил, и за ним было весело наблюдать. Глаза Су Аня улыбались, а уголок его рта был приподнят: «Я действительно польщен тем, что сказал Второй Мастер».

Плита тихо булькала, и еда густо пахла. Прозвенел западный колокол, и было ровно три часа.

Миски и палочки для еды уже были готовы, поэтому Су Ань улыбнулся и сказал: «Прием не очень хороший, и я надеюсь, что Второму Мастеру он не понравится».

«Хорошее вино и хорошая еда, почему мне это не понравится?» Хэ Чанхуай взял свои палочки для еды: «Эн, аромат насыщенный, достойный стола, приготовленного боссом Е, и один кусочек мне очень нравится».

Су Ань не смог сдержать улыбку: «Второй Мастер действительно может показать лицо».

Хэ Чанхуай поднял брови и спокойно сказал: «Не так, босс Е, я также никому не показываю лицо».

Су Ань позабавился и налил ему бокал вина: «Второй мастер, ты выпьешь вино Шуангоу?»

«Пью», — Хэ Чанхуай принял его и выпил полчашки, — «Просто я не очень хорошо пью, и я не должен напиваться перед боссом Е».

"О?" Су Ань подумал про себя: «Мне придется напоить тебя». Он налил ему еще стакан и сказал с улыбкой: «Тогда пей сколько хочешь, не жадничай».

Рот Хэ Чанхуая утверждал, что вкус вина был плохим, но количество, которое он выпил, было необычайным. Пока бутылка «Шуангоу» и бутылка «Янхэ» не упали вниз, его глаза все еще были очень ясными, и он не выглядел пьяным.

Су Ань на некоторое время отказался от мысли опьянеть его и встал, чтобы попросить людей снаружи принести немного древесного угля.

Юй Цюн взял на себя инициативу и взялся за эту работу, а Су Ань взял огонь и тихо спросил его: «Что сказал врач, увидев тебя?»

Юй Цюн обмотал шею марлей. Он не мог хорошо говорить, поэтому ему пришлось сделать жест Су Аню рукой: врач сказал сначала применить лекарство, а потом поговорить о нем.

Су Ань нахмурился и вздохнул: «Думаю, он еще один некомпетентный врач».

Затем кто-то подошел к нему сзади, и из-за занавески появилось красивое лицо: «Какой врач?»

Хэ Чанхуай опустил голову и просто встретился взглядом с Юй Цюном. Юй Цюн испуганно посмотрел на него, с криком повернулся и попятился прочь.

Су Ань был шокирован: «...»

Он повернулся, чтобы посмотреть на Хэ Чанхуая, и Хэ Чанхуай тоже был немного удивлен и спросил: «Что? Я выгляжу страшно?»

Су Ань быстро изменил выражение лица и тихо сказал: «Как такое может быть. Скорее, когда я смотрю на Второго Мастера, я всегда чувствую, что Второй Мастер похож на моего старого друга, которого я знаю».

Хэ Чанхуай очень заинтересовался: «Кого?»

«Старик с вонючим телом, — мягко сказал Су Ань, — как он может сравниваться со Вторым Мастером?»

Хэ Чанхуай спокойно принял это: «Тогда я смогу со спокойной душой принять похвалу босса Е».

После еды Су Ань вернулся в комнату и достал пистолет из тканевой сумки: «Второй Мастер одолжил мне эту вещь в прошлый раз, чтобы продемонстрировать свою силу. Это действительно заставило меня не знать, как тебя отблагодарить. Теперь, когда оно вернулось первоначальному владельцу, это оружие можно будет считать мощным только в твоих умелых руках».

Хэ Чанхуай небрежно взглянул на него: «Если я сказал, что это для тебя, то оно твое».

Су Ань отпрянул, и Хэ Чанхуай прямо рассмеялся: «Босс Е, когда я дал тебе эту вещь, чтобы ты пел, а теперь ты возвращаешь ее мне, ты сожалеешь о том, что обещал мне?»

"Как это могло произойти!" Су Ань сердито рассмеялся и сердито посмотрел на него: «Раз уж Второй Мастер сказал это, то я буду достаточно смелым, чтобы получить эту вещь. Подожди, Второй Мастер, я пойду переоденусь и устрою тебе хорошее представление».

Хэ Чанхуай ответил «хорошо», но после того, как Су Ань ушел, он несколько не мог сидеть на месте один. Хэ Чанхуай съел два арахиса, затем залпом выпил последние полстакана вина, резко встал и вышел.

Как только занавес был поднят, налетел ветер и снег, и Хэ Чанхуай внезапно понял, что идет снег.

На земле скопился тонкий слой снега, и цепочка следов двинулась к следующей двери, в двух комнатах отсюда.

Хэ Чанхуай сделал шаг вперед, и отпечаток его кожаной обуви стерся со следа тканевой обуви и продолжал идти к двери комнаты Су Аня. Ветер и снег ударили по телу Хэ Чанхуая. Когда он собирался постучать в дверь, его сердце все еще думало о том, что сказать: Босс Е, мне действительно любопытна опера, но я слишком невежественен. Я хочу прийти и посмотреть, как ты выглядишь, чтобы ты мог расширить мой кругозор».

Однако когда его руку сбили, дверь скрипнула, обнажая щель.

Хэ Чанхуай поднял глаза и увидел Су Аня, стоящего посреди кучи одежды, которую он только что снял. Его белая спина была согнута, его мягкая талия была тонкой, и он как раз одевался в великолепную красную одежду хуа дан.

Его ноги слегка пошевелились, и появилось весеннее солнце, оживившее мир*.

*春光明 - /Chūnguāng zhà xiè/

весеннее солнце появляется, чтобы оживить мир (идиома) / дать возможность увидеть что-то интимное (например, нижнее белье)

Рука Хэ Чанхуая напряглась на месте, в глаза пролетел осколок снега, он был весь белый и туманный, с кусочком мягкой плоти.

Снаружи послышался внезапный громкий шум, и Су Ань в замешательстве обернулся. Он поправил одежду и подошел к двери и увидел, что там ничего нет, кроме сильного ветра.

Краем глаза он взглянул на землю, четко виднелась линия кожаных ботинок, и неизвестно чьи это были шаги. И свидетельства падения человека на землю явно присутствовали.

В глазах Су Аня мелькнула улыбка, он бормотал, закрывая дверь: «Сегодняшний ветер такой шумный».

Су Ань не надел украшение на голову, это было слишком хлопотно. Он только переоделся и вернулся в главную комнату. Когда он открыл дверь, он увидел Хэ Чанхуая, сидящего за столом и пьющего, как следует, как будто он никогда не уходил.

«Второй Мастер. Ты долго ждал», — улыбнулся Су Ань и закатил рукав. — Здесь нет музыки, только я. Я просто напишу небольшой абзац, поэтому, пожалуйста, не смейся».

Хэ Чанхуай неподвижно сидел на табурете, и его глаза уклонились: «Пожалуйста».

Су Ань скривил губы в улыбке, и выражение его лица смягчилось. Все говорят, что нужно десять лет работы вне сцены и одна минута на сцене, и это правда. Если певец не умеет хорошо петь на сцене, публика тут же всплескивает кулаками. Под наблюдением многих пар глаз и годами напряженной работы все те, кто ожидал, оказались великими мастерами.

Е Суань был великим мастером.

Чрезвычайно обаятельный, с изящной и хорошей фигурой, не более того.

Лицо Хэ Чанхуая постепенно покраснело, а во рту пересохло.

Су Ань спел строчку из Ян Гуй Фэя из прошлого раза. Хэ Чанхуай наблюдал, как Су Ань закончил петь этот короткий абзац. Несмотря на то, что Су Ань не покрасился, он, казалось, увидел Ян Юхуаня, который хорошо пел и танцевал и который очаровал императора Тан Сюаньцзуна до глубины души.

Он прекрасно понимал, что он тоже очарован.

В эту снежную, продуваемую ветром погоду, в теплом доме, он, Второй Мастер, был очарован Боссом Е.

Грязные мысли были погребены под его костюмом и кожаными туфлями. Глаза Хэ Чанхуая не моргали, а внутри бурлил темный цвет агрессии, и он уже думал о том, как тяжело будет снять это маскарадное платье.

Это лицо, оказалось, что это было лицо Цзинчэна.

Автору есть что сказать:

Су Ань: Снять не сложно!

<http://bllate.org/book/15646/1398814>